

УДК 316.6

Социальные сети как новая форма утопии

Паниотова Таисия Сергеевна

Доктор философских наук, профессор,
кафедра теории культуры, этики и эстетики,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
344065, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, переулок Днепровский, 116;
e-mail: tspaniotova@mail.ru

Митрохина Мария Владимировна

Магистрант,
Академия психологии и педагогики,
Южный федеральный университет,
344065, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, переулок Днепровский, 116;
e-mail: kioto-7@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется влияние утопического жанра на социальное конструирование в современном обществе. Рассматриваются концептуальные определения жанра утопии в качестве эвристической модели, описывающей совершенную социальную организацию альтернативного мира. Демонстрируется эволюция утопического творчества от традиционных литературных форм до нетипичных и новых проявлений в других сферах культуры, прежде всего, информационной. Авторами описываются и дополняются черты классической утопии, выделенные Ф. Аинса и Р. Труссо, среди которых пространственная изолированность, вневременность, автаркия, урбанизм и регламентация. На основе указанных черт производится структурный анализ виртуальных социальных сетей в формате Web 2.0. Раскрывается специфика преломления утопических черт в структуре, пространстве и особенностях функционирования Интернет-сообществ социального типа, выявлена утопическая база социальных сетей. Показано, что в виртуальных сетевых сообществах, ввиду высокой степени пользовательской свободы выбора собственной «географии» пребывания в сети, временных показателей, изолированности и публичности, правил созданных субсообществ и организации профиля, в соответствии с соображениями соразмерности и гармонии, возможным становится конструирование приближенных к совершенным моделям обществ и образа «Я». На основе результатов

исследования авторами подчеркивается значение социальных сетей в качестве новой формы утопического творчества и бегства из реальности, чьи идеальные начала могут служить способом реализации идей и мечтаний.

Для цитирования в научных исследованиях

Паниотова Т.С., Митрохина М.В. Социальные сети как новая форма утопии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 2А. С. 250-262.

Ключевые слова

Утопия, утопическая ментальность, утопическое творчество, изолированность, ахрония, автаркия, урбанизм, регламентация, социальные сети, Web 2.0.

Введение

Парадоксальность современной ситуации состоит в том, что на фоне наблюдаемой тенденции уменьшения количества произведений утопического жанра, их вытеснения научной фантастикой и антиутопиями на периферию социального творчества, «утопическое напряжение» [Serutti, 1984, 97-98] в целом нарастает, становясь своеобразным маркером современности. Альтернативное виденье действительности, отказываясь от традиционных форм, находит иные формы воплощения. Утопия пронизывает всю современную культуру, обнаруживая себя не только в литературе, но и в политике, искусстве, религии, контркультурных, гендерных, экологических движениях современности.

Между тем, ответить на вопрос, «что есть утопия?» не так просто, как может показаться на первый взгляд. Как заметил Ф. Ницше, легко определять те понятия, которые не имеют истории. Понятие «утопия» к таковым не принадлежит. Более того: феномен утопии значительно старше самого термина. Если первые утопии появились еще в античности, то сам термин и жанр ведут родословную от книги, вышедшей в свет в 1516 году под названием «*Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus, de optimorei publicae statu deque nova insula Utopia*» [Moro T., www] и обессмертившей имя ее создателя Томаса Мора.

Сегодня многие авторы считают сведение утопии к жанру устаревшим и предлагают отличать утопический жанр от утопической ментальности, понимая под нею способ размышления о лучшем мире, «бунтарское сознание», «сны наяву». Основной вектор утопической ментальности при этом видится либо в «антиципирующей и освободительной идее» (Блох), либо в «тоске по навсегда утраченному миру» (Тиллих), либо в идеалах, направляющих ход истории (Черутти) и т.д.

Не имея возможности в рамках одной статьи дать глубокий анализ обоим проявлениям утопии и признавая, что понятие жанра, в том числе утопического, – «это эвристическая модель, наделенная относительной проницаемостью, и которая в ходе исторической эволюции

может вбирать в себя темы и методы соседних жанров» [Trousson, 1995, 29], попытаемся показать, что «законы жанра», в свою очередь, могут влиять на утопическую ментальность и проявляться в таких, казалось бы, далеких от утопии социальных конструктах как социальные сети.

Жанровые характеристики утопии

Раймонд Труссо предпринял попытку установить отличие утопического жанра от других жанровых форм. Он считал, что мы имеем дело с утопией тогда, когда она представлена в форме рассказа, романа (что исключает из поля рассмотрения политические трактаты); содержит описание некоторого общества (что исключает различные робинзонады); представляет общество, организованное на основе определенных политических, экономических, моральных принципов (что исключает мифы о Золотом веке или Аркадии); репрезентирует себя либо как идеально хорошее (позитивная утопия), либо как идеально плохое общество (негативная утопия), которое находится в реальном или воображаемом пространстве или времени (отличие от религии, перемещающей Рай в вечность); и наконец, описание является результатом настоящего или вымышленного путешествия. Обобщая эти отличия, Труссо заключает, что утопия – это описание социальной организации, качественно другого – в пространственном или временном отношении – мира [Trousson, 1995, 51-54].

В том же ключе рассуждает Сарджент, понимающий под утопией подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного – как на уровне институтов, так и человеческих отношений – совершеннее, чем общество, в котором живет автор [Sargent, 1979, XIII].

Попытка описания основополагающих черт [Trousson, 1995, 43-50] и реконструкции классической модели утопии [Aínsa, 1997, 19-23] оказалась продуктивной и привела к выделению таких характеристик классического утопического жанра как изолированность, ахрония, автаркия, урбанизм, регламентация. Оттолкнувшись от этого перечня, попытаемся раскрыть и дополнить черты классической модели.

Начиная с Мора, сущностной характеристикой утопии и непременным условием успеха утопического проекта является его изолированность, обособленность, недоступность. Изолированность пространства обеспечивается надежностью границ. Границей может выступать лабиринт, сложный обряд инициации, непроходимый лес, скалы, договор о неразглашении тайны местонахождения идеального места, сакральные запреты. Предпочтение, отдаваемое утопией таким топосам идеального пространства, как остров, вершина горы, изолированная от мира часть суши, недоступная территория – связано с необходимостью обеспечения реальных или символических границ, чтобы избежать разлагающего влияния хаоса, буйствующего за пределами мира совершенства. Именно последнее обстоятельство

объясняет размещение идеальных островов где-то вдали, за линией горизонта. И так же, как последняя постоянно отодвигается и никогда не достигается, не обнаруживает себя и утопия.

Изоляция неразрывно связана с автаркией, представляющей собой следующую характеристику классической утопии. Вне фактора автаркии обособленное существование обречено на неудачу. Автаркия – это также своего рода граница, поскольку в силу самодостаточности и самообеспечения отпадает необходимость в каких бы то ни было внешних контактах. Богатая природа, благоприятный климат, всеобщий труд и ограничение потребностей обеспечивают человеку некий «средний достаток» и не ставят под вопрос возможность изолированного выживания.

Важной характеристикой классической утопии является ахрония, или отсутствие в ней исторического времени. Классические произведения этого жанра предлагают планы не частичного и временного, а полного и окончательного разрешения природных, социальных и вообще всех и всяческих противоречий. Данная «раз и навсегда» система не может трансформироваться, т.к. она совершенна. Отсутствие изменений исключает историческую случайность и лишает остроты проблему путей перехода к будущему обществу по той простой причине, что будущего (внутри утопического царства) нет, а есть одно лишь настоящее, спроецированное в вечность.

Еще одной сущностной характеристикой утопии является регламентация. Утопия возникает как бы на разломе двух пространств: реального хаотичного пространства, в котором человек живет, и желанного, упорядоченного пространства. В конечном счете, утопическая направленность мышления состоит в создании собственного, качественно иного гармоничного пространства. Средством упорядочивания, перевода общества из дисгармонии в состояние гармонии и выступает регламентация. Регламентация как характерная черта классической утопии с экономической точки зрения объясняется низким уровнем развития материальной базы, ограниченностью ресурсов, средств существования в тот исторический период, когда утопия возникла. Но в социокультурном плане регламентация – это стремление к рационализации и упорядочиванию общественных связей на основе общей социальной теории, которая стремится предусмотреть все организационные аспекты коллективной и частной жизни в социуме.

Классическая утопия по преимуществу урбанистична, иначе говоря, ее типичный образ – это образ города. Начиная с Мора, городской план становится постоянным спутником социальной утопии. Геометрический план выражал социальную гомогенность, ратифицированную законом и властью правительства. По сути дела в классических утопиях мы впервые встречаем объективацию духа и замысла законодателя не в виде абстрактных норм и законов, а в виде упорядоченного пространства и плана градостроительства.

Утопия стремится к гармонии, а последняя неразрывно связана с красотой. Отсюда следует такая характеристика социальной утопии как калокагатия, выражающаяся в стремле-

нии построить мир, который был бы не просто лучше или рациональнее нашего, но и во всех отношениях добродетельнее и прекраснее. Изобретая фантастические условия освобождения человечества, утопист уподобляется художнику, но только занят он сочинением не художественной, а жизненной реальности. Художественная структурированность утопического сознания проявляется, в частности, в том, что в ряде классических утопий процветание обеспечивается не только преобразованием экономических отношений или системы власти, но и эстетикой порядка, совершенных форм.

Наконец, следует выделить и такую существенную характеристику классической модели утопии как эвдемонизм. По сути все, что не предпринимает утопист, подчинено достижению одной цели – сделать человека счастливым. И хотя, в чем состоит счастье, и как его достичь, каждый утопист понимал по-своему, ориентация на земное, а не небесное, на служение людям, а не Богу, на наслаждение жизнью, а не на умерщвление плоти, была всеобщей [Паниотова, 2004, 143-145].

Классическая модель утопии эволюционирует от утопии места к утопии времени, от романа-путешествия – к «правовой» утопии (представленной в виде свода законов), а затем – к утопии, претендующий на статус научной теории. При этом одни черты классической модели становятся более выпуклыми, заметными, другие, напротив, обретают меньшую значимость, или трансформируются таким образом, что становятся трудно узнаваемыми, но окончательно не исчезают. И тем более не прекращается пульсация «утопической функции», подвергающей сомнению установленный порядок и выражающей стремление к другому миру.

Как замечает Ф. Аинса, «жизнь в сиюминутном измерении может стимулировать создание разного рода межкультурных электронных сетей, подлинного пространства творчества и коммуникации, где утопическая мысль способна обрести свое провоцирующее качество» [Аинса, 1999, 196].

Признаки утопии в социальных сетях

Структурный анализ социальных сетей на основе выделенного выше комплекса устойчивых черт, характерных для классической утопии, позволил обнаружить ряд особенностей и свойств, демонстрирующих утопическую базу в конструкции сетевых сообществ формата Web 2.0 [О'Рейли, 2005, www].

1. Пространственная изолированность. Утопическое пространство социальных сетей изолировано физически, структурно и функционально, имеет собственную «географию», своеобразный перечень «когнитивных карт» у каждого пользователя. Фиксируется удаленная и герметичная локализация пространства Интернет-сообществ, цепь пользовательских «маршрутов» и протяженностей. Так социальные сети оказываются защищенными от прямого воздействия внешних процессов действительности, а личные социальные круги могут быть в высокой степени изолированными и идеализированными.

Сетевые сообщества расположены в виртуальном измерении, доступ к которому возможен с помощью посредника-гаджета, сознания и органов чувств. Здесь островной архетип приобретает новое выражение, поскольку они существуют в сконструированной искусственной реальности, функционирующей по собственным законам и недоступной для непосредственного вхождения и пребывания. Важнейшей чертой всей совокупности электронной реальности можно назвать невещественность при фактически фиксируемых воздействиях ее элементов на сознание человека. Отсюда определение «место, которого нет», дословно расшифровывающее понятие «утопия», естественно применяется и к виртуальному пространству социальных сетей, в него избирательно выносятся идеальное путем построения совершенного образа Я и совершенных взаимоотношений как моделей, что способствует развитию новой формы бегства из реальности.

Структурная и функциональная изолированность пространства социальных сетей выражается в разграниченности зон внутри сообщества, начинающейся на уровне личного профиля и заканчивающейся субсообществами. Так, каждый профиль – островок самооценной информации, представленной блоками ограниченных позиций сгруппированного контента, который может быть закрытым для трансляции. Личные профили объединяются по причине различных отношений в доступные либо приватные списки друзей, родственников, коллег или единомышленников. Затем возможны различные субобъединения – виртуальные группы, сообщества, организации, устанавливающие публичную открытость по желанию руководителя или большинства. Все это позволяет мобильно конструировать множество социальных комбинаций и организовывать сколько-нибудь приближенные к совершенным модели обществ.

Собственная «география» в рамках пространства социальной сети наличествует и описывается каждым пользователем. То, насколько протяжен его профиль, взаимосвязанность аккаунтов различных сетей и лента обновлений, какие страницы он посещает и просматривает, в которых группах состоит и на чьи новости подписан, определяет локализацию пользовательского пространства, совокупность связей и интересов. Постоянное перемещение в океане информации сопровождается выборочным «выхватыванием» необходимого для личного профиля. В большинстве случаев такая деятельность направлена на наилучшее отражение идентичности человека в данный момент, а подобная «география» выступает в роли приложения к репрезентирующему интересы и позиции контенту.

Кроме того география в качестве координат местоположения личности и ее активности в реальной жизни становится условным показателем в среде сетевых сообществ. Геолокационные данные, привязываемые к контенту, в известной степени условны: вполне легко указать место, не соответствующее действительности, или создать несуществующее название. В профилях при заполнении личной информации действует тот же принцип, и свободно вписываются желаемые места рождения и проживания, обучения или работы. Пользователь социальных сетей способен «перемещаться» и «жить» в любом месте, о котором мечтал, найти себе единомышленников, подобным образом существующих в идеальных местах.

2. Вневременность. В условиях социальных сетей наблюдается отсутствие исторического времени и нарушение хронологического порядка событий. Они предлагают пользователю «многомодусное бытие» как возможность альтернативных сценариев развития событий и течения времени. Также в сетевых сообществах манифестируется настоящее «здесь и сейчас», актуальное состояние в момент свершения события или наблюдения, происходит постоянное обновление контента и ситуативная актуализация информации с открытием каждого нового дискурса.

Особенности функционирования виртуальных сетевых сообществ превращают время в пластический материал для игры с идентичностью. Временные показатели – даты рождения пользователей, создания сообществ и встреч могут быть установлены произвольно, как и часовой пояс. Все это образует гетерогенные временные структуры, не соотносимые с традиционным европейским пониманием исторического времени как линейной последовательности фактов, выстроенной на основе причинно-следственных связей. «История» социальных сетей условна, подразделяется на историю пользователей, их взаимодействий и активности, историю самой виртуальной площадки. Но понятие «история» в данном случае употребимо скорее для описания давности профиля или контента, посещения тех или иных веб-страниц. История определенного сетевого сообщества представлена информацией о дате основания, выхода обновлений самой платформы и сервисов, каждое последующее улучшение которых исключает предыдущее. Пользовательская история содержит в себе информацию о дате и времени регистрации в социальной сети, последнего посещения сервиса. История общения между пользователями образуется полотном переписки, дискурсами, которые не имеют начала и конца в строгом смысле, обрываются и возобновляются, оставляя след, фиксируемый в графе «история переписки», которую, как известно, можно очистить.

Вообще, постоянное обновление информации – важнейшее проявление активности человека в социальных сетях, с одной стороны, и некоторое требование самих площадок, устойчиво побуждающих пользователей обновлять контент, вопросами «что у Вас нового?», с другой. Более свежий контент вытесняет старый, он приоритетен, соответствует изменениям в настроении, моде, тенденциях различного сорта, временная последовательность размещения информации уходит на второй план, если речь идет о самопрезентации и документировании состояний в рамках Интернет-сообществ типа Instagram и Twitter

Каждый новый дискурс оборачивается возможностью развития взаимодействия по новому сценарию, складывающемуся в данный момент. Участники коммуникации могут актуализировать любую информацию, какой бы давности она не была, как последнюю, и этот контент просуществует в качестве новейшего либо в течение открытого дискурса, либо, превратившись в мем, станет действительной новостью для большинства неознакомленных с ним пользователей. Поэтому для общения в условиях сетевых сообществ не играет важной роли точные временные показатели. Любые исторические события, артефакты и персоналии, занесенные в мир виртуальных сообществ, свободно сосуществуют в постмодернистском смещении.

Скрывание или отрицание реального возраста пользователя и времени свершения событий становятся привычной практикой, идущей рядом с инфантилизацией и ложной статусностью. Участники либо не представляют свою дату рождения, либо используют не реальные показатели для выстраивания определенной идентичности. Молодежный сленг, завышенный интерес к развлечениям и контенту типа «няшных котиков», избегание ответственности и стремление к поощрениям в виде «лайков» и оценок – очевидные черты процесса инфантилизации. В некоторых случаях наблюдается обратное – пользователь завышает возраст, создавая образ всезнающего и компетентного мудреца. Здесь мы имеем дело с ложной статусностью, характерной скорее для более юных в настоящем пользователей.

3. Автаркия. Соцсети в большинстве своем тяготеют к автономности и проведению «изоляционистской политики», формируют соответствующее мышление у пользователей. В границах одной виртуальной площадки создаются все условия для автономного существования: добавляются различные приложения, дополнительные функции и плагины, чтобы участник имел возможность не только общаться, но и смотреть видео, прослушивать музыку или хранить файлы без пользования сторонними сервисами. Обмен информацией допустим с социальными сетями другого типа, но с импортом контента в центральную.

Приверженцами любого конкретного сетевого сообщества социального типа не поощряется переход пользователей или перенос связей в иные ресурсы. Имеет место даже Интернет-фольклор, высмеивающий и противопоставляющий одну социальную сеть другой, например, пользователи сервиса «ВКонтакте» часто резко негативно относятся к манере подачи контента в «Одноклассниках» и к их участникам, создают различные группы, демонстрирующие абсурдные посты, якобы взятые из вышеупомянутой сети.

Автономизация, как и пространственная изоляция, распространяется сверху вниз и затрагивает субсообщества и профили пользователей. Присутствуют автономные закрытые объединения, не поддерживающие связи с другими и не размещающие ссылки, запрещающие своим участникам соответствующие действия. Личные страницы пользователей способны достигать высокой степени автономности и отражать нежелание человека создавать видимые связи, однако соответствующая позиция не поощряется социальными сетями из-за ориентации на общение. Такие пользователи, зачастую, имеют низкий рейтинг, демонстрируются в списке поиска последними. Персональный изоляционизм в среде сетевых сообществ наличествует и среди тех людей, кто вынужден присутствовать в социальных сетях, но не имеет желания создавать разветвленные сети коммуникации. Некоторое число «отшельников» социальных сетей постоянно присутствует среди контингента пользователей, выделяются также периодически удаляющиеся и возвращающиеся участники.

Еще одно следствие – психологическая автаркия соцсетей. Показатели качества и объема взаимодействий между пользователями в виртуальных сообществах независимы от реального общения этих же людей в действительности, зачастую интерактивные связи являются недействительными в жизни и психологически не переносимы из виртуальной среды. Более

того, ограниченность реальных внешних связей способствует интенсификации общения в сетевых сообществах. Довольно многие действия в реальности, в том числе и социальные, стали совершаться с целью демонстрации процесса и его результатов в Интернете – для привлечения внимания и побуждения пользователей к активному общению в сети.

4. Урбанизм. Различные типы социальных сетей имеют «геометрическую» организованность, как идеальные города, и постулируют городскую культуру. Интерфейс и общая структура соцсетей упорядочены в логическом и геометрическом смысле, внешний вид характеризуется пропорциональностью и соразмерностью: четкие линии, разграниченные зоны и блоки, смысловая и функциональная группировка. Каждое Интернет-сообщество обладает собственным отличительным стилем оформления и структурирования, однако базовая конструкция единообразна.

Собственно структуру социальной сети можно представить в виде некоторой агломерации, скопления городских населенных пунктов, в центре каждого из них разместив пользователей с сетью знакомых и единомышленников. В сетевых сообществах особым образом преломляются и социологические признаки города. Наличествуют высокая концентрация людей на ограниченном пространстве сетевых сообществ, постоянный и непрерывный рост количества участников и самой сети, плотности субсообществ, а также – локальная дифференциация пользователей, выражающаяся в объединении их в группы схожих сфер деятельности, интересов, ценностей и проч.

Еще одна важная характеристика города как явления культуры – это городской образ жизни. Коммуникация с помощью Интернет-сообществ распространена большей частью среди городского населения, поэтому урбанизированная культура и соответствующий стиль жизни транслируются через них как приоритетные. Большое количество информации, публикуемой в социальных сетях, описывает городские новости, проблемы и события, содержит в себе городскую эстетику и моду, особенно глобализированного образца. Сетевые сообщества в вышеописанных аспектах сами воплощают некую модель идеального города, геометрически совершенного и культурно универсального.

5. Регламентация. Соцсети существуют стабильно, в том числе благодаря соблюдению участниками свода правил, регулирующего любого рода активность. В каждом Интернет-сообществе социального типа существует гласный кодекс чести и правил, содержащий список прав и обязанностей пользователя, на основе которых реализуется общение и распространение личной информации. Наличествует перечень дозволенной и запрещенной тематики контента, деятельности и границ свободы. Аналогичные структуры присутствуют в пользовательских субсообществах, где участникам, наделенным полномочиями, разрешено самостоятельно прописывать правила группы. В целом, подобные «законы» являются условно добровольными, без согласия с которыми невозможно стать членом соцсети, кроме того, они оставляют за администрацией право на применение санкции в случае их нарушения – вплоть до своеобразного остракизма и пожизненной блокировки.

Административный аппарат представлен создателями, администраторами и редакторами, следящими за порядком и приемлемостью размещаемого контента. У каждой социальной сети есть «отец-создатель», рассматривающий основные вопросы функционирования и развития площадки, не вмешивающийся в частные дела пользовательского уровня. Их решают администраторы и модераторы, проводящие мониторинг определенных областей и задач, служба поддержки отвечает за обратную связь. Обычные пользователи социальной сети могут становиться создателями и редакторами субсообществ различной направленности, санкционированной администраторами портала.

Правила в основном устанавливаются раз и навсегда создателями социальной сети, изменения в которые вносятся довольно редко. Такая «законодательная система» очень похожа на аналогичные структуры классических утопий, в которых законы, лежащие в основе общественных отношений, явлены единожды отцом-основателем, вождем или великим народом в лице утописта. Свод правил сетевого сообщества обязателен к соблюдению, он направлен на регламентацию любой активности. Даже у маргинальных Интернет-сообществ, отрицающих основную «правовую линию» пользователей глобальной сети, обязательно наличествует собственный кодекс чести или манифест, как, например, у объединения киберпанков и хакеров.

Так или иначе, в социальных сетях, предоставляющих человеку огромный выбор путей реализации различных интенций, эта свобода вписана в границы четких рамок регламентирующей системы. Свобода выбора определена совокупностью вариантов, изначально заложенных в структуру всевозможных функциональных единиц интерфейса сетевых сообществ. Администраторы и модераторы четко следят за исполнением предписаний и анализируют каждый пользовательский акт и артефакт – пост, сообщение, комментарий, лавируя между публичными и частными правами. Практика жалоб – распространенный механизм сбора информации о нарушителях в социальных сетях, облегчающих администраторам работу. Сетевые сообщества тем самым демонстрируют элементы, подобные утопической «тотальной слежке» и совершенным непреложным законам, в собственной структуре.

Заключение

Как показывает проделанный анализ, классическая модель утопии и ее жанровые характеристики могут служить точкой отсчета для исследования других формообразований культуры. Описанные черты утопического в конструкции социальных сетей раскрывают базу идеального, на которой далее выстраивается система социальных взаимодействий в рамках подобных сообществ. Интернет-сообщества таким образом выступают площадками для презентации Я-идеальных, построения желаемых общественных отношений, реализации того, что по каким-либо причинам не имеет возможности воплотиться в реальности. Вообще отдельно взятая социальная сеть представляется утопическим конструктом, в который встроены характерные для утопии черты, циркулируют утопические идеи и архетипы. Утопическое

пространство социальных сетей продолжает мир мечтаний и идей человека. Пользовательские субсообщества иллюстрируют возникновение микроутопий, объединений людей со схожими взглядами и ценностями, в теле целостного утопического конструкта. Даже единичные профили участников сетевых сообществ несут в себе черты утопического макрокосма.

Библиография

1. Викторова А.С., Свертков И.А. Социальные сети и молодежь // Территория науки. 2013. № 3. С. 5-8.
2. Котляров И.Д. Виртуальная реальность как пространство удовлетворения потребностей // Прикладная информатика. 2006. № 6. С. 101-111.
3. Максимов А.А., Голубева Н.М. Влияние социальных сетей на современного подростка // Наука и современность. 2014. № 28. С. 105-109.
4. Паниотова Т. С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов-на-Дону.: Изд-во Ростовского университета, 2004. 304 с.
5. Шахмартова О.М., Болтага Е.Ю. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 1002-1008.
6. Aínsa F. La reconstrucción de la Utopía. Mexico: Correo de la UNESCO, 1997. 238 p.
7. Cerutti Guldberg H. Teoría de la utopía en: Utopía y Nuestra América. Quito: Ed. Abya-Yala, 1996. P. 93-108
8. Moro T. Utopía Lovaina, Martens, 1516. // Biblioteca virtual universal.
9. Sargent L. Introduction. In: British and American Utopian Literature. An Annotated Bibliography. 1516-1975. Boston: G.K.Hall & Co, 1979. 324 p.
10. Trousson R. Historia de la literatura utópica. Viajes a países inexistentes. Barcelona: Peninsula, 1995. 372 p.

Social networks as a new form of utopia

Taisiya S. Paniotova

Doctor of Philosophy, Professor,

Department of theory of culture, ethics and aesthetics,

Institute of Philosophy and Socio-political Sciences,

Southern Federal University,

344065, 116, Dneprovskii lane, Rostov-on-Don, Russian Federation;

e-mail: tspaniotova@mail.ru

Mariya V. Mitrokhina

Master of Psychology,
Academy of Psychology and Pedagogics,
Southern Federal University,
344065, 116, Dneprovskii lane, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: kioto-7@mail.ru.

Abstract

The article deals with modern form of utopian creation in virtual social networks. It is spoken in detail which definitions of term utopia may be employed to analysis of cultural phenomenon nowadays. Much attention is given to current understanding of this concept as an ideal social organization of community driven by alternative rules. It is described in short that utopian creation traces its roots from classical literary creation to new types of activity. The difference between the terms utopian genre and utopian mentality are stressed. It draws attention to foundational attributes of classical utopia such as spatial isolation, uchronia, autarky, urbanism, rulemaking and others which have influence on utopian mentality. The article gives a detailed structuralist analysis of Internet social networks with these attributes. It is shown that social networks Web 2.0-type have utopian basis in its structure and functioning, and this basis manifests in specific way. Conclusions are drawn that in virtual social networks user may be a creator of his own ideal world and ideal self-identity because they give free choice of user-defined "geography", time indices, closure or publicness, in making rules for user communities and in constructing interface. It is specially noted that social networks become the new forms of utopian creativity and escapism where dreams and ideas come true.

For citation

Paniotova T.S., Mitrokhina M.V. (2017) Sotsial'nye seti kak novaya forma utopii [Social networks as a new form of utopia]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (2A), pp. 250-262.

Keywords

Utopia, utopian mentality, utopian creation, isolation, uchronia, autarky, urbanism, rule-making, social networks, Web 2.0.

References

1. Aínsa, F. (1999) *La reconstrucción de la Utopía* [The reconstruction of Utopia]. Mexico: Correo de la UNESCO.

2. Cerutti Guldberg H. (1996) *Teoría de la utopía en: Utopía y Nuestra América* [Theory of Utopia in: Utopia and Our America]. Quito: Ed. Abya-Yala.
3. Kotlyarov I.D. (2006) Virtual'naya real'nost' kak prostranstvo udovletvoreniya potrebnosti [Virtual reality as a space for satisfying needs]. *Prikladnaya informatika* [Applied informatics], 6, pp. 101-111.
4. Maksimov A.A., Golubeva N.M. (2014) Vliyanie sotsial'nykh setei na sovremennogo podrostka [Influence of social networks on the modern teenager]. *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity], 28, pp. 105-109.
5. Moro T. *Utopía Lovaina, Martens, 1516*. Biblioteca virtual universal.
6. Paniotova T. S. (2004) *Utopiya v prostranstve dialoga kul'tur* [Utopia in the space of the dialogue of cultures]. Rostov-on-Don.
7. Sargent L. (1979) Introduction. In: *British and American Utopian Literature. An Annotated Bibliography. 1516-1975*. Boston: G.K.Hall & Co.
8. Trousson R. (1995) *Historia de la literatura utópica. Viajes a países inexistentes* [History of utopian literature. Travel to non-existent countries]. Barcelona: Península.
9. Shakhmartova O.M., Boltaga E.Yu. (2011) Psikhologicheskie aspekty obshcheniya v sotsial'nykh setyakh virtual'noi real'nosti [Psychological aspects of communication in social networks of virtual reality]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo* [Proc. of Penza State Pedagogical University], 24, pp. 1002-1008.
10. Viktorova A.S., Svertkov I.A. (2013) Sotsial'nye seti i molodezh' [Social networks and youth]. *Territoriya nauki* [Science territory], 3, pp. 5-8.